



Галина Смирнова

ЛЕДОХОД И ПОДСНЕЖНИКИ

повести и рассказы

Галина Смирнова

Ледоход и подснежники (сборник)

«Издательство «Перо»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Смирнова Г. П.

Ледоход и подснежники (сборник) / Г. П. Смирнова —
«Издательство «Перо», 2017

ISBN 978-5-906972-14-9

Книга «Ледоход и подснежники» Галины Смирновой – это сборник новых рассказов автора. Врач по профессии, она трепетно и деликатно раскрывает психологию отношений между людьми. Кажется, что перед нами знакомые и близкие люди, живущие где-то рядом. И им присущи как обычные житейские интересы, так и мировоззренческие искания, размышления о проблемах человеческого бытия, нравственности и общественной неустроенности. В своих произведениях автор следует традициям русской классической литературы: мастерски пишет о природе, делится своими воспоминаниями и размышлениями о жизни, наполняет романтическое повествование удивительно тонкой лирикой. Для прозы Галины Смирновой характерны пронзительные жизненные сюжеты, мотивы любви и предательства, а ясный, живой и мелодичный язык делает её рассказы эмоциональными и увлекательными.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-906972-14-9

© Смирнова Г. П., 2017
© «Издательство «Перо», 2017

Содержание

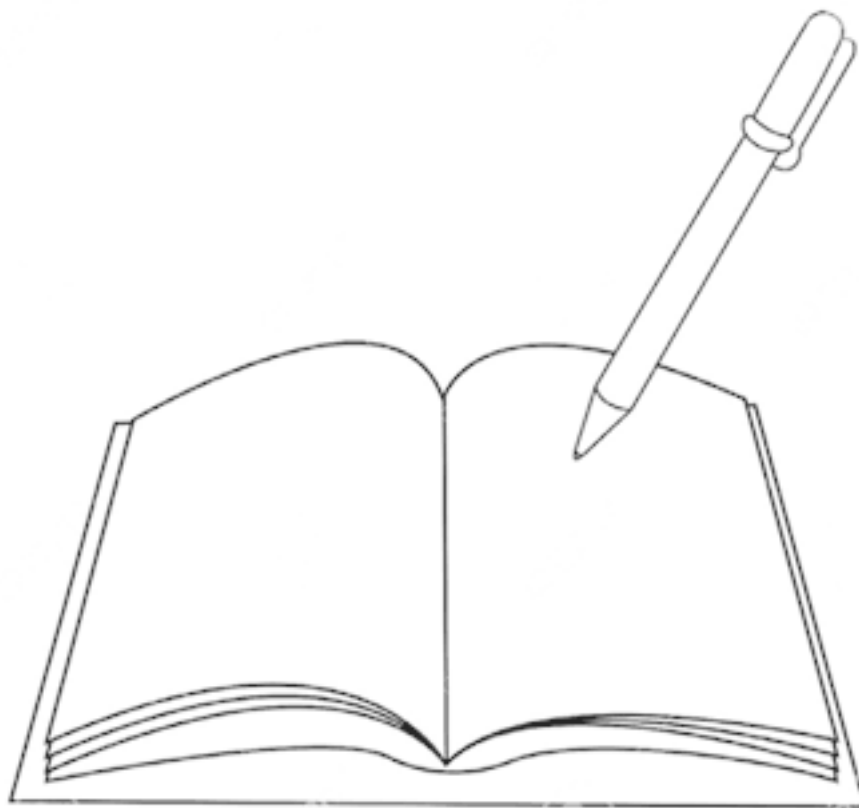
Рассказы	6
Остановка	6
Айсберг	10
Нюра	14
Озеро Белое, Шатура	18
Михалыч	20
Братья	25
Может быть, потеплеет?	30
Известие	31
Торжок	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Галина Смирнова
Ледоход и подснежники (сборник)

© Смирнова Г. П., 2017

* * *

Рассказы



Остановка

Я ждал Нину на старом месте, там, где мы познакомились и где назначали свидания. Здесь была конечная остановка троллейбусов.

В тот день, почти год назад, шёл сильный дождь, и я, выскочив из троллейбуса, пытался раскрыть зонт, но что-то в его механизме расстроилось, и я застрял в двери.

А когда вышел и хотел поскорее пойти домой, на меня сзади налетел кто-то, чуть не сбив с ног.

– Извините, – услышал я.

Я оглянулся, это была девушка, молоденькая, худенькая, в тоненьком, светлом платье, она стояла на выходе из троллейбуса, на последней ступеньке, собираясь нырнуть в непогоду, ветер и дождь.

Похоже, ни дождевика, ни зонтика у неё не было.

– Вам далеко? – автоматически спросил я, и, не дожидаясь ответа, предложил. – Вставайте рядом, не то совсем промокнете.

Девушка, взяв меня под руку, пошла рядом.

Над нами был большой, уютный зонт, по которому беспощадно хлестал резкий дождь, и вдруг я осознал, что мне хорошо идти вот так, под шум дождя, в ногу, молча, вместе с доверчиво прижавшейся ко мне девушкой.

Её звали Нина, она жила недалеко от остановки – через шоссе и ещё минут пятнадцать вдоль озера по тополиной аллее.

Я проводил её до подъезда и пошёл домой.

На этом всё, казалось бы, и закончилось, но через три дня мы неожиданно встретились там же.

В этот раз я вызвался проводить Нину не из-за желания оградить её от дождя, которого не было, а просто... Даже сам не понял почему.

Наши расписания дня совпали таким образом, что несколько раз в неделю, не сговариваясь, мы встречались на конечной остановке, и каждый раз я провожал Нину.

А потом я назначил ей свидание, нетрудно догадаться где.

Место это было довольно малолюдное, но симпатичное: небольшая площадь, объехав которую, троллейбусы возвращались на свой маршрут, была со всех сторон окружена живописными зелёными газонами, засаженными молодыми деревьями, и это были не юные саженцы, а уже подросшие и крепкие рябины, липы, берёзы.

Напротив остановки стоял обычный блочный двенадцатиэтажный дом, а на газоне около него, помимо посаженных деревьев, рос огромный, раскидистый старый клён, около которого уютно стояла скамейка.

И здесь, под кроной старого клёна, как под крышей дома доброго друга, мы встречались.

Я жил с одной стороны широкого шоссе, Нина – с другой, и остановка нас соединила.

Иногда мы садились в троллейбус и ехали в центр города, иногда гуляли в парке, близком, заброшенном, и оттого по-особому привлекательном своей непричёсанной красотой и раскрепощённой вольностью лужаек, тропинок и аллей.

Я любовался Ниной, глядя на её лёгкие, светлые, летящие волосы, на глубокие синие глаза, загорающиеся тысячами искр, когда она смеялась или смотрела на меня иной раз так пристально и глубоко, будто в омут; мне нравились её ладная, тоненькая фигурка, нежные плечики и голос, мягкий, женственный, нравились естественность и простодушие, и я сходил с ума от её запаха, сравнимом с дуновением цветущего луга, сияющего утренней росой.

Я влюбился.

Нина училась в институте, жила в студенческом общежитии, и месяца через три после знакомства мы стали жить вместе, в моей квартире – я, сорокалетний, неисправимый холостяк, и молодая красавица. Моему счастью не было границ, и я думал, так будет всегда.

Но, как пишут великие, «ничто не вечно под луной», увы, я вынужден признать правоту этих слов.

Началось с того, что из её сумки выпал читательский билет в библиотеку, как следовало из документа, студента той же группы того же института, где училась Нина.

Разумных объяснений этому факту не прозвучало, а последовали смс-ки, утренние, вечерние и ночные, последовали телефонные звонки и её короткое: «Я перезвоню».

А потом... Потом она пропала на три дня, потом на неделю.

Она вернулась. Я простил, я умолял её не бросать меня.

Сейчас её снова не было, не было уже десять дней.

Я с трудом дозвонился до неё, и мы договорились встретиться там же, как раньше.

Я сидел на скамейке рядом с моим другом – старым клёном и рассказывал ему, как мне плохо и печально без неё.

Добрый друг понимающе вздыхал, шелестя пожелтевшими листьями, и бросал их мне под ноги – возьми, не грусти, а лихой приятель ветер подхватывал и кружил опавшие листья, устраивая в мою честь то салют, то хоровод, то пронзительный блюз.

Я был почти уверен, что она не придёт, но упрямо ждал.

Вдруг позади меня раздался странный шорох.

Оглянувшись, я увидел небольшую, тощую собачонку, её неопределённого цвета тёмная шерсть сбилась в клочья, а облезлый хвост на кончике был надломлен как сломанная веточка дерева, как будто собачка забежала куда-то, где тепло и вкусно пахнет, и тут тяжёлая дверь захлопнулась и прижала ей кончик хвоста. Большие висящие уши собачонки напоминали спаниеля, но это была дворняжка, худая, бездомная, голодная.

Из-под скамейки она вытащила открытый пакет с сухариками, которые часто покупают под пиво, а вот и пустая жестяная банка выкатилась. Собачонка выждав, когда банка остановилась, улеглась передо мной на опавшие листья.

Придерживая пакет передними лапами, она разорвала его зубами, и сухарики высыпались на землю, затерявшись между листьями, которые собачка тут же принялась ворошить носом и лапами, она ловко находила и звучно грызла эти душистые, засушенные кусочки хлеба.

Наконец, она успокоилась, села напротив, выразительно глядя на меня своими бездонными карими глазами и показывая всем своим видом:

«Ну что же ты всё размышляешь? Угости меня хоть чем-нибудь!»

Мы смотрели друг на друга, и мне становилось стыдно:

«В самом деле, может отойти и купить ей поесть? Магазин рядом, – думал я и тут же вспоминал Нину. – А вдруг как раз в это время она придёт?»

Я вздыхал, тоскливо посматривая то на остановку, надеясь увидеть её в толпе выходящих из троллейбуса людей, то на жалкую, голодную собачку.

Вдруг из подъезда, расположенного напротив скамейки, где я сидел, вышла девочка лет пяти.

В руках у неё была миска, в которой лежали две сардельки, они были сварены только что, их тёплый, ароматный пар растворялся в воздухе.

Собачка вскочила и завиляла хвостом, а девочка подошла и поставила на землю своё бесценное угощение, заботливо порезанное на кусочки.

Дворняжка жадно принялась за еду.

– Ты спасла меня, – сказал я девочке.

– Тебя? – удивилась малышка, а глаза как чистое горное озеро.

– Да, потому что мне очень хотелось покормить собачку, но я не мог отойти, – я помолчал и повторил, – понимаешь, не мог.

– А я пришла! – обрадовалась девочка. – Видишь, как ей нравится колбаска.

– Как тебя звать, спасительница?

– Соня.

– Тебя отпустили одну?

– Нет, вот бабушка, смотри, – и девочка показала рукой в сторону дома.

На первом этаже, напротив нас, было открыто окно, из которого смотрела пожилая женщина, закутанная в платок.

– Спасибо вам! – сказал я, обращаясь к ней, и она по-доброму улыбнулась.

А через несколько минут она вышла, держа в руках пакет с кефиром.

Дворняжка подбежала к ней, радостно виляя хвостом.

Женщина налила кефир в миску и села на скамейку рядом со мной, а Соня присела на корточки и, подперев милое личико руками, внимательно смотрела, как пьёт кефир счастливая дворняжка.

Я видел распахнутые глаза Сони и ласковый, добрый взгляд бабушки, видел благодарность в глазах бездомной дворняжки, и я чувствовал, как по капельке в меня вливается радость, она не зависит ни от кого, ни от чего, она повсюду, она просто есть, как этот растворённый в воздухе золотой, осенний свет.

«Не придёт», – понял я, прождав Нину два часа.

Остановка осталась позади.

Мой старый друг, мой добрый клён, прощаясь, приветливо шелестел листьями, и, выглянув из-за тучи, мне улыбнулось застенчивое, осеннее солнце.

Айсберг

Светлым, весенним днём Раиса Митрофановна шла по скверу.

Она шла с работы, где только что закончилась конференция учителей, и где она так замечательно выступила с докладом.

А как на неё смотрел Борис Львович!

Когда-то, в далёкой юности, Раиса Митрофановна и Борис Львович учились вместе в одной группе пединститута, но после его окончания они ни дня не были учителями в школе, а сразу стали работать в РОНО – районном отделе народного образования.

Борис из весёлого фаната The Beatles, высокого, худого, с тёмной шевелюрой до плеч и вечных джинсах, превратился в полноватого, лысого, вальяжного и важного чиновника.

Раиса Митрофановна, тщательно следившая за своей фигурой и внешним видом, особо не располнела, но на свои сорок пять выглядела точно, хотя и молодилась, отдавая предпочтение светлым блузкам и светлым жилетам, которые обычно сочетала с узкими тёмными юбками.

Несмотря на присущую ей интеллигентность и миловидность, её облик мог бы не запомниться и остаться стёртым, если бы не один яркий мазок – волосы, собранные в высокую, подобно пирамиде, причёску, совершенно седые, отдающие холодной голубизной айсберга.

Был тёплый майский день, лёгкий ветерок обдувал лицо свежим дыханием, и на газонах, заросших юной травой, цвели жизнерадостные одуванчики.

Но Раиса Митрофановна не замечала ни шума фонтана, только вчера запущенного после долгой зимы, ни громких голосов малышей на детской площадке, ни строгих окриков мам и бабушек, не слышала воркующих голубей, она шла и вспоминала своё сегодняшнее выступление на конференции учителей, и с каким жаром и энтузиазмом она призывала и отстаивала, убеждала и доказывала всем и каждому высокие идеалы добра и мира, человечности, милосердия и доброты.

Она так разошлась тогда, на трибуне, что чуть было не прослезилась сама, что уж говорить об аудитории, где собрались уставшие от дороги сельские учителя, приехавшие из дальних деревень и небольших районных центров.

Но, несмотря на охвативший её азарт, Раиса Митрофановна изредка поглядывала на Борю, то есть на Бориса Львовича, который временами закрывал глаза, но через несколько минут, встряхнувшись, снова напряжённо слушал очередного оратора на трибуне.

Вдруг что-то ударило об её ногу, наклонившись, Раиса Митрофановна увидела детский мяч красного цвета.

Она подняла его, огляделась и увидела мальчика лет пяти, бегущего к ней:

– Твой мяч?

– Мой.

– А мама где?

– Мама? – переспросил малыш и указал на молодую женщину с коляской, которая спешила к ним. Правой рукой она толкала коляску, а в левой держала большую сумку, наполненную продуктами.

– Спасибо, – она взяла малыша за руку.

– Да не за что. Как тебя звать? – обратилась Раиса Митрофановна к мальчику.

– Игорь.

– Какое имя у тебя хорошее. А маму как?

– Маму? – снова переспросил Игорь.

– Понимаете, я не его мама, его мама уехала на два дня, она моя соседка, вот и попросила посидеть с Игорьком, – женщина вздохнула, – потому что больше просить некого.

Бывают мгновения, за которыми открывается бездна, бездна познания чего-то очень важного, что касается только тебя, и что по разным причинам, а чаще потому что «вот так сложилась жизнь», мы не знаем.

И тайное, скрытое чувство, то ли интуиция, то ли жизненный опыт, то ли чувство самозащиты, или, может быть, «разумная» трусость, отводит нас от края, от «лишнего» знания, и мы замолкаем, трепетно и невольно прислушиваясь к этому странному и вполне ощутимому мгновению, мы уходим, уходим, уходим...

Так и Раиса Митрофановна, вспоминая в будущем это мгновение, понимала: надо было именно тогда прервать разговор с мальчиком и женщиной, прервать и уйти.

Но вместо этого она неожиданно для себя спросила:

– Где же вы живёте?

– Отсюда минут двадцать на трамвае.

– Знаете что... Извините, как вас звать?

– Рита.

– Знаете, Рита, давайте я помогу вам добраться до дома, а то и коляска, и Игорь, и сумка большая с вами, а у меня время есть, – она улыбнулась, – зовут меня Раиса Митрофановна.

Трамвай сонно стоял на остановках и ехал еле-еле.

Пассажиров было немного, напротив Раисы Митрофановны сидел Игорёк, и чем больше она на него смотрела, тем всё больше он казался ей похожим... похожим на её сына Фёдора. Такие же глубокие, синие глаза, такой же нос и подбородок, такие же прямые, соломенного цвета волосы.

Это показалось ей удивительным.

«Бывает же!» – подумала она и спросила:

– Игорёк, а папу твоего как звать?

Но малыш не ответил, отвернулся и стал болтать ногами, глядя в окно на мелькающие дома, машины и деревья, а потом залез в карман своей курточки и вытащил оттуда помятый цветок одуванчика на длинном зелёном стебельке.

– Тебе, – он протянул цветок Раисе Митрофановне.

– Игорёк, взрослых незнакомых людей надо называть на вы, – поправила его Рита.

– Тебе, – упрямо и серьёзно повторил Игорёк.

Солнечный луч упал на его пушистые, светлые волосы, и голова мальчика стала похожа на весенний цветущий одуванчик.

Пока ехали в трамвае, Раиса Митрофановна узнала, что мама Игорька снимает комнату, а приехала она на три месяца, так как оканчивала институт в этом городе, и перед госэкзаменами было необходимо очное обучение. Сына пришлось взять с собой. Рита и Надя, мама Игорька, подружились и помогали друг другу в заботах о детях, тем более, что их квартиры находились рядом, на одном этаже.

– Мы до утра будем у Нади, в нашей квартире воду перекрыли, кто-то ремонт делает, – сказала Рита, открывая дверь. – Раиса Митрофановна, у меня к вам маленькая просьба: задержитесь, пожалуйста, минут на пять-десять, посидите с дочкой, пока я сумку разберу.

Раиса Митрофановна, взяв малышку на руки, прошла в небольшую комнату, села на диван. Скромно, чистенько.

Игорёк сразу побежал к коробке с игрушками и стал что-то искать.

Раиса Митрофановна огляделась, не задерживая взгляд ни на чём, и вдруг замерла от неожиданности.

На подоконнике, в тонкой деревянной рамке, стояла фотография – её сын Фёдор обнимал за плечи прижавшуюся к нему худенькую, милую девушку.

Раиса Митрофановна её знала.

– Игорёк, кто это? – чуть слышно произнесла она.

– Мама.

Раиса Митрофановна не помнила, как вернулась домой, как вытащила хранящуюся за книгами в шкафу старую толстую тетрадь с институтскими лекциями, как открыла эту тетрадь и как взяла обычный, чуть пожелтевший от времени, почтовый конверт.

В конверте лежали две фотографии, письмо и две тоненькие, засохшие травинки, сломавшиеся сразу, как только она дотронулась до них.

На одной фотографии Надя и Фёдор, в куртках, спортивных брюках и кедах, взлохмаченные, весёлые, с открытыми, добрыми улыбками, сидели у костра и пытались достать что-то из котелка на огне, держась руками за одну ложку.

На другой была изображена одна Надя, по пояс, в полосатой тельняшке с длинными рукавами и странной, чёрной, треугольной шляпе, похожей на пиратскую; голова запрокинута, она смеётся так светло и так искренне, задорно, что невольно вызывает ответную улыбку.

Раиса Митрофановна не стала перечитывать письмо доверчивой девочки, которая прощалась со своей любовью.

В этом печальном событии, увы, не было ничего нового, и не было бы ничего особенного, но всё случившееся с Фёдором было у Нади впервые – первое свидание, первый поцелуй, первый... первый...

Это письмо от Нади Раиса Митрофановна перехватила случайно тогда, несколько лет назад, когда, открыв почтовый ящик, она вскрыла конверт, прочитала письмо и, ни мгновение не сомневаясь, спрятала его подальше, не сказав об этом ни Фёдору, ни мужу.

И вот сейчас она решительно зажгла спичку, поднесла её к фотографиям, они вспыхнули сразу, затем загорелось письмо, и вскоре осталась лишь крохотная горка золы, чёрной, с неприятным, удушливым запахом.

Раиса Митрофановна закурила, подошла к окну, открыла его.

Порыв ветра подхватил золу, лежащую в пепельнице на подоконнике, и стряхнул её на цветущую, будто снегом обсыпанную, черёмуху под окном, но словно спохватившись, тут же переворошил и очистил ветки от чёрной пыли, вернув невесте её белый наряд.

Раиса Митрофановна протянула руку в окно, дотянулась до черёмухи, сорвала ветку, поставила в вазу на столе.

И от этой пушистой белоснежности в комнате стало светлее.

Она смотрела на цветущую черёмуху и вспоминала тот давний разговор о Наде с сыном, вспомнила его растерянное, потухшее лицо и свои слова:

– Какая женитьба! Эта девочка не нашего круга, она из глуши, из какой-то тьмы тараканьей. Ну, познакомились на турбазе, всё, дальше надо было остановиться. А она к тётке своей надумала приехать! Не тётка ей была нужна, а ты. Вот и завлекла тебя, а теперь здравствуйте, я буду жить у вас. Ни за что. Ни за что, Фёдор. Пусть избавляется от ребёнка, скажи ей. Но скажи как-то повежливей, пожалей что ли... Пойми ты, рано тебе жениться, погуляй, наберись ума. И отец так считает. Не нужна она нам, ни при каких условиях не нужна.

К её удивлению, Фёдор не сильно переживал разлуку с Надей, что успокаивало Раису Митрофановну, но в глубине души, боясь признаться в этом самой себе, она была разочарована поведением сына, закрутившего вскоре роман с замужней, молодой соседкой сомнительного поведения.

«В кого он, такой жестокий и бездушный?!» – думала она.

Эта мысль появлялась лишь иногда, но постепенно всё реже и реже, обещая Раисе Митрофановне исчезнуть навсегда.

Через полгода, закончив институт, Фёдор уехал по распределению настолько далеко, насколько это было возможно предпринятыми усилиями родителей.

И сегодня такая удивительная встреча.

Сказать или не сказать об Игоре Фёдору и мужу?

Но даже намёк или крохотная тень этого вопроса не возникали в голове Раисы Митрофановны, настолько уверенно и твёрдо знала она единственный ответ – нет.

Её волновало лишь одно – почему Надя сняла комнату рядом с ними, и главное – когда она уедет.

Прошло две недели.

Раиса Митрофановна была так загружена подготовкой к областному слёту передовиков производства, на котором она неизменно из года в год присутствовала и неизменно выступала с речью, была так занята, что почти забыла о недавней встрече в сквере.

Лишь где-то глубоко в тайниках её души ещё тлел крохотный беспокойный уголёк.

В тот день, возвращаясь с работы домой, она решила пойти через сквер и Риту с коляской увидела сразу.

Игоря рядом не было. Они поздоровались как старые знакомые.

– Где Игорёк?

Рита улыбнулась:

– Уехал с Надей сразу, как только она сдала госэкзамены.

– А почему именно здесь она сняла комнату?

– Так институт же её рядом, она библиотекарем стала, хотя и раньше работала там же, в библиотеке, но только без диплома. Вот забыла я город, где она живёт, небольшой, вроде бы районный центр или посёлок... далеко где-то.

Они простились.

Раиса Митрофановна шла по весеннему, цветущему скверу.

Шла не спеша, затягиваясь сигаретой и эффектно выпуская кольца дыма.

Разговор с Ритой обрадовал её и успокоил, и тревожный, тлеющий в глубине души, уголёк погас.

Вдруг сигарета потухла.

Она полезла за спичками и обнаружила в кармане куртки, забытый ею, забившийся в угол, жалкий комочек.

Это был одуванчик, тот самый.

Вытащив одуванчик на свет, она невольно встряхнула его, высохший, тонкий стебелёк чуть выпрямился, но тут же согнулся, прижавшись к поникшему соцветию и увядшим листьям.

«Ах, да...» – тень раздражения и досады пробежала по её лицу, она выкинула одуванчик в ближайшую урну.

Она шла по скверу уверенно и спокойно.

Она думала о проверке ещё одной, новой школы, о Фёдоре, который, отработав по распределению, должен был скоро вернуться, о том, что его надо устроить на престижную работу, и поэтому необходимо срочно встретиться с Борей, она вспомнила о своём, почти готовом, докладе на слёте передовиков, об очередной похвальной грамоте и очередной благодарности, полученной недавно на торжественном собрании.

И вспомнив всё это, она улыбнулась, поправила волосы и гордо подняла голову с высокой, седой, похожей на айсберг причёской, отдающей холодной голубизной нетающего, вечного льда.

Нюра

Её звали Нюра.

Так звали её жильцы большого многоквартирного дома на окраине города, звали с тех пор, как появились первые новосёлы, среди которых была и она.

Было это давно, больше двадцати лет назад, и всё это время Нюра работала в местном ДЭЗе уборщицей.

Она убирала то два, то три подъезда дома, в котором жила сама – мыла лифты, наводила чистоту на этажах, громыкала по утрам тележкой с мусором и отходами, которую везла в большие контейнеры, стоящие неподалеку, чистила тротуар от снега, грязи, льда, сгребала опавшие листья, работы, что называется, хватало.

Лида, Лидия Михайловна, поселилась в том же доме вместе с Нюрой, часто видела её и хорошо знала.

Встретившись, они любили побеседовать на злободневные темы: почему вдруг отключили горячую воду на несколько дней, почему новые лифты оказались такими никудышными, что ломаются чаще прежних, почему цены всё растут и растут, вот раньше, помнишь, даже погода была другой, лето – летом, зима – зимой, а сейчас иной год и не поймёшь, то ли осень на дворе, то ли весна, потому что, ты погляди только – декабрь, а газоны позеленели, и почки на сирени набухли.

Так они стояли и разговаривали, а потом разбегались по своим делам, заботам или торопились на работу – Лида бегом в детский сад, где всю жизнь работала воспитателем, а Нюра – убираться.

Была Нюра маленькой, худенькой, шустрой, с мелкими, правильными чертами лица, вечно одетая в какую-то тёмную, балахонистую одежду, в какие-то немыслимые халаты, фартуки и бесформенные куртки, а на голове платок, будто один и тот же всегда, и кудряшки светлые из-под него выбиваются.

В последние годы в ДЭЗе стали выдавать спецодежду – аккуратные, по размеру, летние и зимние комплекты, состоящие из брюк и куртки, которые, как правило, были ядовитого зелёного цвета с желтой надписью на спине ДЭЗ№.

Нюру редко видели в другой одежде.

Однажды летом в районной поликлинике, её, в лёгком светлом платье, Лида просто не узнала: прошла мимо симпатичной, миниатюрной женщины средних лет, а оглянувшись – Нюра.

Анна Павловна, так красиво звучало её полное имя.

Жила Нюра с мужем, который несколько лет назад перенёс инсульт, ходил с трудом, и вся забота и уход за ним легли на её плечи.

Их единственный сын вырос, окончил институт, а потом, познакомившись с девушкой узбечкой, уехал к ней, женился и остался там, в далёком, незнакомом городе, и детей своих, мальчика и девочку, назвал красивыми, но чужими для Нюры именами.

Мысли о сыне и внуках, которых Нюра видела лишь в их редкие и недолгие приезды в гости, – эти мысли всегда были горькими, и всегда заканчивались одинаково – сердечными каплями.

Приехать к сыну в тот далёкий город Нюра не могла, интернетом не пользовалась, телефонные разговоры были недёшевы, а тоскливая, щемящая жалость не давала дышать, и Нюра переводила сыну всю свою зарплату уборщицы.

– Ничего, нам и двух пенсий хватает, – говорила она Лиде и добавляла, – да и много ли нам надо.

Дом, в котором они жили вместе с другими, такими же большими, высотными домами образовал на окраине города микрорайон, окружённый многочисленными гаражами.

Здесь, в гаражах, прижились бездомные собаки, в основном беспородные дворняжки, которых в народе называли дворянин, от слова двор.

По утрам, в поисках еды, собаки из гаражей кружились около помоек.

Однажды одна из них оказалась рядом с Нюрой, которая в это время подкатила к контейнеру тележку с отходами.

Это был крупный, похожий на овчарку, пёс серебристо-серого окраса, с умной мордой, глубокими карими глазами и с длинным, сбившимся в клочья хвостом.

Пёс встал неподалеку и, задрал нос, стал принюхиваться.

– Подожди, подожди, сейчас.

Нюра подняла брезентовую накидку, прикрывавшую отходы, и стала копаться в них в поисках чего-то подходящего.

Хорошо, что на руках были толстые рукавицы, а то ведь и стёкла некоторые выбрасывают в мусоропровод.

Наконец, она вытащила прозрачный пакет, в котором проглядывались куски сырой курицы, открыла его и понюхала:

– Пахнет нормально, – она отошла к стоящей рядом берёзе и, положив пакет на землю, открыла его. – Ну иди, ешь.

Пёс поводил носом, приблизился и начал жадно есть.

Нюра знала: когда собаки едят, подходить и тревожить их нельзя. Она встала в стороне, наблюдая за завтраком нового знакомого, продлившемся буквально мгновение.

Пёс облизывался и не уходил.

– Ещё хочешь?

Собака, словно поняв вопрос, вновь облизнулась.

Нюра поправила рукавицы, и, подойдя к тележке, стала перебирать мусор. Показался кусок колбасы, вытащила его. Пёс стоял рядом, ждал и взял угощение аккуратно, как дворянин. Съел мгновенно, а потом завилял хвостом и твякнул:

– А-а-ав! А-а-ав!

– Молодец, поблагодарил. Можно тебя погладить?

Хвост собаки закрутился быстро-быстро, а на симпатичной мордочке расцвела улыбка.

– Ты хороший, хороший! – Нюра погладила собаку. – Как же тебя звать? Ты ведь не скажешь. Назову тебя Орлик. Как тебе это имя?

– А-а-ав! А-а-ав! – хвост вновь радостно закрутился.

– Ну, вот и славно, Орлик. Приходи сюда вечером, я покормлю тебя. Придёшь?

– А-а-ав! А-а-ав!

Иногда отходы из мусоросборников в подъездах приходилось вывозить два раза в день, это было обычно в августе, сентябре, когда наступала пора арбузов, дынь, других фруктов и овощей.

Вечером, закончив вторую смену, как говорила Нюра, она приготовила для Орлика целый пакет угощения, это были обрезки свежего мяса без костей – настоящее лакомство для собаки.

Орлик уже сидел у берёзы и ждал, а увидев Нюру, вскочил, подбежал и лизнул ей руку.

– Ты умница, Орлик! – Нюра положила перед собакой еду.

И вновь, как в прошлый раз, куски мяса исчезли молниеносно.

– Вот ещё что, специально для тебя купила, – Нюра достала из сумки пакет кефира и миску, в которую этот кефир налила.

Ах, как он обрадовался, как взажлёт выпил весь кефир, а потом стал так активно вылизывать пустую миску, что она переворачивалась как футбольный мяч.

– Я думала, тебе на два раза хватит. Ладно, пей до конца, – Нюра вылила в миску оставшийся кефир. – А теперь, Орлик, пойдём погуляем в парке, ты же бегал здесь, знаешь. Поводок я не взяла, и ты должен меня слушаться.

А он и слушался!

Слушался с радостью, не убежал, не отходил, а шёл чётко рядом, слегка прижимаясь к ноге и с улыбкой поглядывая время от времени на нового друга.

После прогулки Нюра привела Орлика домой, отмыла его, шерсть стала мягкой, а хвост – пушистым.

Утром они пошли на работу вместе.

Орлик был рядом, когда Нюра мыла пол в лифтах и на этажах, когда мыла лестницы у подъездов, когда подметала тротуар и когда катила тележку с отходами.

Закончив все дела, она покормила Орлика и позвала домой, но сегодня домой он не пошёл, а улёгся у двери, ведущей в небольшое помещение, где находился мусоросборник. Здесь было чисто и тепло.

Нюра постелила в углу старое одеяло, и Орлик понял – это его место.

Иногда он ночевал здесь, иногда у Нюры, иногда бегал несколько дней неизвестно где, но возвращался всегда.

Так Нюра с мужем жили вместе с Орликом восемь лет.

Нюра подкармливала бездомных собак с тех пор, как поселилась здесь.

Подкармливала она и кошек, которых раньше было много во дворе, они тоже были бездомные и жили в подвалах домов.

Нюра разносила кошкам еду и оставляла её у небольших выходных отверстий из подвалов, так делали многие женщины.

Но пришёл день, когда все отверстия замуровали кирпичом и бетоном, и кошки пропали.

Бездомные кошки исчезли полностью и сразу во всех домах микрорайона, и больше их не было.

Подкармливала Нюра ещё ворон.

Это началось давно, задолго до Орлика, она так рассказывала Лиде об этом:

– Как-то раз утром, после работы, иду я домой, и вдруг сзади как будто кто-то рукой по моей голове быстро провёл, у меня даже платок съехал. И вижу: надо мной низко, низко, почти касаясь, пролетела ворона, большая чёрная ворона. И главное, она не улетела, а вернулась и снова пролетела надо мной, и снова задела крылом голову. В руках у меня был пакет с едой для собак, я остановилась, смотрю, и ворона села на дерево, которое рядом было, и несколько раз громко прокричала «карр-карр». Я поняла, что она просит корм. Вот с тех пор оставляю еду воронам в одних и тех же местах, они помнят где и ждут меня каждое утро.

– А чем ты их кормишь? Хлебом, кашей, наверное.

– Нет, что ты! Они мясо любят, косточки рубленные, вот посмотри, – Нюра открыла пакет. В нём лежали заботливо порубленные мелкие кусочки курицы, колбасы, варёного мяса – всё это было собрано на помойке.

– Так что же, ты вначале домой приносишь эту еду?

– Приношу, выбираю, мою, потом мелко рублю. А как по-другому? Так они всё съедают, быстро, без остатка. А большой кусок они покусуют, покусуют, да и бросят, улетят. – Помедлив, Нюра продолжила. – Я в журнале давно читала, что на первом месте по уму в животном мире обезьяны, потом дельфины, потом собаки, а на четвёртом вороны. Вороны они очень умные.

Эту историю, кто на каком месте, Нюра рассказывала Лиде часто, действующие лица менялись, но вороны были всегда, и всегда на четвёртом месте, в крайнем случае, на пятом.

Тот день начался как обычно.

Нюра возилась с уборкой, Орлик крутился рядом, здоровый, жизнерадостный, красивый.

После работы они пошли в парк рядом с домом.

Была ранняя осень и синее, безбрежное как море небо, и падающие, зависающие в воздухе золотыми монетками листья берёз.

Нюра не видела море и часто, глядя на безмятежно-голубое небо, думала, какое оно, море?

Она не была на море, она вообще никогда нигде не была.

В детстве мама отправляла её в пионерский лагерь, и эти детские воспоминания о шумных походах, о весёлых песнях у костра, о звуке горна и о лесной речке грели её душу.

Родственников в деревне у неё не было, как не было и дачи на шести сотках с помидорами и огурцами, с календулой и малиной, с осами над остывающим вишнёвым вареньем, с нарядной сорокой на заборе.

Поэтому так радовалась она ласковому ветру, осеннему парку и тихому солнечному дню, радовалась вместе с Орликом.

Звонок был долгий и резкий, она открыла дверь.

– Нюра, там...

Она уже поняла, накинула куртку и выбежала с соседкой на улицу.

Около подъезда стояла легковая машина, кузов её был открыт, и там лежал Орлик.

Орлика отравили. Отравили сознательно и продуманно.

Мужчина из соседнего дома дал ему кусок колбасы, доверчивый Орлик съел этот кусок.

И спустя буквально полчаса весь соседний дом сбежался на его страшный вой.

Орлик мучился недолго. Нюра не успела.

Жильцы дома собрали деньги и отвезли тело Орлика на экспертизу, обнаруженная в желудке колбаса была отравлена, яд установлен.

Мужчину отравителя знали.

Нюра болела дома, в больницу поехать не могла – кто будет ухаживать за мужем?

Потихоньку, через месяц, она стала выходить на улицу, но работать уже не могла.

Струна, звучащая в душе тихой радостной мелодией, оборвалась.

Ранним утром жильцы большого дома на окраине города часто видели, как худенькая, немолодая женщина кормит бездомных собак... Её звали Нюра... Анна Павловна.

Озеро Белое, Шатура

Конец сентября, через несколько дней октябрь, а я, просто с ума сойти, купаюсь в подмосковном озере, температура воздуха двадцать пять, а воды – восемнадцать градусов.

Плыву и раздвигаю руками листья, слетевшие с ив и клёнов на берегу и застывшие на неподвижной воде разноцветным ковром. Осенние листья...

Песок на дне и на берегу необычно светлый, почти белый, может быть, поэтому озеро называется Белым, точнее Белое озеро Дубасовское.

В Шатурском районе Подмосковья находятся три озера, имеющие название Белое: Белое озеро Шатурское в 2,5 км к северо-востоку от города Шатуры, Белое озеро Бордуковское в 1-ом км к югу от села Власово и Белое озеро Дубасовское в 0,5 км к западу от деревни Дубасово.

Все три озера имеют реликтовое ледниковое происхождение.

Белое озеро Дубасовское расположено в 140-ка км от Москвы и лежит в Мещерской низменности, раньше оно называлось Глухое, возможно из-за того, что в него не впадает и не вытекает ни одна река или речушка, или ручей, а возможно потому что лежит в глухом и удалённом от цивилизации месте.

Озеро подпитывается многочисленными родниками и не зарастает летом крохотной ряской или другими водными растениями, оставаясь всегда чистым и прозрачным.

В озере обитает больше двадцати видов рыб: щука, язь, окунь, толстолобик, белый амур, форель, стерлядь, муксун, водятся и раки.

А вокруг заповедные леса.

Иду с мужем по широкой просеке, с двух сторон её небольшие, песчаные канавки, на отлогах которых дружными семейками растут маслята, некоторые так плотно, что местами образуют похожие на мостовые длинные дорожки.

Здесь же вдоль просеки встречаем подберёзовики, их много, а вот и наш король, царь грибов – белый.

Всегда так радостно встретить белый гриб, особенно такой большой, с толстой коренастой ножкой и бурой шляпкой:

«Ну здравствуй, красавец!»

От просеки ныряем вглубь леса, но недалеко, чтобы не потерять ориентир, туда, где видим светлые лужайки с берёзами, елями, редким кустарником.

На этих опушках подберёзовиков тьма тьмушая, надо только не спешить – шляпки грибов так похожи на опавшие листья, они сливаются с цветом пеньков, веток, лежащих на земле, с цветом стволов деревьев, это называется «покровительственная окраска», вроде бы природа прячет, скрывает свои дары.

Нет, ничего не прячет матушка природа, а именно покровительствует над всем... поставим здесь многоточие.

Мы продолжаем совершать вылазки в просветы-лужайки, грибы уже и класть некуда, а характер леса, пейзажи меняются, как в калейдоскопе, буквально каждые пятьдесят метров.

Вот участок смешанного леса: берёзы, осины, ёлочки и ели, высокая трава, сырость, папоротники и классические красные с белыми пятнышками мухоморы, а рядом, следом, неожиданно песок и сухая почва, в изобилии покрытая упавшими сосновыми иголками, сосны и никакого подлеска; напротив же, через просеку, как будто в совершенно другой климатической зоне, мох на земле, низкорослый черничник вперемежку с кустиками брусники и редкие, тощие, невысокие ёлочки, покрытые серыми островками лишайников, это так похоже на тундру, смею говорить так, потому что в этом году в начале лета была на Соловках.

Однако, пора возвращаться, рюкзаки, сумки полны грибов: белые, подберёзовики и мои любимые красноголовые подосиновики.

Теплынь необыкновенная, ни ветерка, редкие облака плывут по безмятежному голубому небу, дивно пахнет сухой травой, смолой и грибами.

Цветов уже почти нет, но ещё встречается пижма с желтыми пуговицами цветов и скромный, как Золушка, тысячелистник, и эта трава с золотистыми метёлками соцветий, так похожая на мимозу, всё время хочу почитать о ней, как же она всё-таки называется.

По обочинам просеки много крохотных белых цветов на длинных тонких стебельках, они в точности напоминают маргаритки – это сухоцветы, собираю их целый букет, воздушный, нежный, он будет стоять всю зиму без воды.

А вечером в нашем суперсовременном и умопомрачительно красивом санатории танцы.

Дворец культуры, танцзал, принарядившиеся отдыхающие, запах духов, вальс, что-то медленно-грустное, вот побыстрее...

Бархатный вечер, свет фонарей расплывается, мерцает в тёплом, влажном сумраке и освещает аллею каштанов, их листья, будто лёгкой ржавчиной, уже тронула осень, а плодами усыпана вся земля под деревьями.

Сладко пахнет розами, клумбы, клумбы, розы белые, чайные и алые, я наклоняюсь вдохнуть их аромат, светит луна, и плывёт по аллеям лёгкий туман.

Михалыч

Матвей Михайлович, или Михалыч, как звали его многие, шёл домой с работы.

Было раннее летнее погожее утро, ещё сверкала ночная роса на траве, ещё пустынно и тихи были улицы, и во дворе дома, где жил Михалыч, ещё не появились дворники.

Уже два года как Михалыч, высококлассный токарь, отработавший на родном машиностроительном заводе всю свою трудовую жизнь, превратился в вахтёра на проходной.

А что делать? Завод исчез, словно прилетели инопланетяне и по известным только им причинам устроили вместо завода склад, а в некоторых помещениях сауны и бани, что особенно возмущало бывших рабочих завода.

Квартплата была немалая, цены в магазинах кусались, кроме пенсии иных доходов у Михалыча не было, и поэтому он не мог отказаться от представленной по знакомству возможности работать хотя бы вахтёром.

Во дворе дома Михалыча обогнал Рекс, поджарый доберман из третьего подъезда. Пёс деловой походкой направлялся к помойке.

Михалыч вспомнил, что у него остался хлеб от бутербродов, которые он брал с собой на работу.

Он достал пакет и пошёл к помойке, позади которой был круглый, металлический люк, возвышающийся над землёй как своеобразный поднос, сюда местные жители приносили остатки еды для бездомных собак, кошек и птиц – воробьёв, голубей, ворон.

Рядом с люком сидел Рекс и азартно грыз большую кость, найденную на помойке, пакет Михалыча, судя по запаху, его совершенно не заинтересовал.

Михалыч покрошил хлеб и собрался было пойти домой, но тут около него упал картонный футляр.

Он огляделся и понял – этот футляр свалился с горы мусора, которым доверху был наполнен большой контейнер, предназначенный для тех, кто делал ремонт в квартире.

На картонном футляре, почти чистом, рядом с надписью «Фотообои» расположилась картинка, на которой была нарисована степь.

Михалычу отчего-то очень захотелось рассмотреть эти обои, он поднял футляр и открыл крышку, хотя это было совершенно неправильно, и до этого случая он ничего подобного не делал.

Внутри футляра лежали, завернутые в плёнку, свёрнутые трубочкой, плотные листы бумаги, и, судя по картинке снаружи, их должно было быть восемь.

Михалыч неожиданно решил взять находку домой, так интересно ему вдруг стало.

«Сроду с помойки ничего не брал. Вот дожил!» – думал он, открывая дверь подъезда.

Не встретив ни соседей, ни других жильцов дома, он поднялся на третий этаж, открыл квартиру и положил футляр с обоями на пол в коридоре.

Он решил не спешить.

Переоделся, умылся, позавтракал.

Небольшую двухкомнатную квартиру, в которой Михалыч сейчас жил один, дали его семье от завода, где работал и он, и его жена Антонина, а потом, после службы в армии, и единственный сын Алексей.

Жена Михалыча умерла три года назад.

Сын Алексей был токарем, как и отец, но лишившись работы из-за ликвидации завода, он перебивался случайными заработками.

Время было трудное – девяностые годы, которые принесли несчастье во многие семьи, в том числе и в семью Михалыча.

Алексей стал злоупотреблять спиртным, вначале как будто незаметно, а потом словно лавина нахлынула, и падение сына до состояния хронического алкоголика произошло трагически быстро.

Жена ушла от него, забрав дочку – внучку Михалыча.

Алексей почти не бывал в родном доме и не жил в отведённой ему комнате поменьше, а находился у своих, постоянно меняющихся, подруг, на беду – тоже любящих выпить.

«Может, жена умерла так рано, всего-то пятьдесят девять ей было, что не могла видеть сына-пьяницу, всё корила и терзала себя, мол, я виновата, я не доглядела, я не уберегла».

Так думал, горестно вздыхая, Михалыч, вина себя так же, как и жена когда-то.

Чтобы разглядеть находку он протёр влажной тряпкой пол в большой комнате, и на сухой пол стал раскладывать листы, как карты в пасьянсе.

Листов было восемь, общая длина фотообоев составляла ровно три метра, а ширина два с половиной метра, то есть, они должны были бы занять всю стену напротив окна, если их поклеить, но увидеть всю картину Михалыч не мог, только частями, так как мешала мебель.

Приветливая продавщица в магазине «Всё для ремонта» дала Михалычу тоненькую брошюру, в которой описывалось и было показано на рисунке, как правильно клеить фотообои.

Купив всё необходимое и придя домой, Михалыч переоделся и начал решительно сдирать со стены старые-старые обои.

Потом он всё удивлялся: откуда появилась в нём эта уверенность, почему, не задумываясь, он приступил к работе, почему именно эти обои, и почему, наконец, они свалились ему под ноги как будто с неба.

Через два дня в большой комнате Михалыча, на стене напротив окна красовалась картина.

Это была степь.

Ни машины, ни дерева, ни человека, ни птицы, ни верблюда или хотя бы ослика... никого, ничего

Только степь, небо и солнце.

Заходящее солнце... Закат в степи, где простор такой, что видно во все стороны до самого горизонта, и где раскалённое, уставшее за день солнце, медленно и неотвратимо опускаясь, дарит перед ночным отдыхом свой пылающий закат, свой салют, свою симфонию цвета... Когда огненные, оранжево-красные цвета неба размываются холодными оттенками то фиолетовых, то зелёных, то синих мазков... лишь дымятся лёгкие, белые облака... и вот уже скрылось за горизонтом наше солнце, только узкая, огненная полоска неба, как тающие угольки на границе неба и земли... она всё тоньше, и всё темнее здесь, на земле... но горят огнём, как брызги заката, красные тюльпаны, ветер колышет седой ковыль и сочные травы, и приходит прохлада, скоро ночь... ночное небо, звёзды и степь.

Диван стоял у боковой стены, Михалыч переложил подушку на другую сторону так, что теперь, засыпая и просыпаясь, он видел степь.

Окно большой комнаты выходило на запад, и когда перед ним на стене сливались два заката – один за окном, другой на картине, Михалыч не мог глаз отвести от такого чуда чудного, и в эти протяжные, молчаливые, закатные часы он старался быть дома.

Впрочем, картина была хороша в любое время.

Занимая всю стену напротив окна, она была как дверь в другой, просторный и несуетный мир.

Где же была сделана эта удивительная фотография?

Осмотрев футляр и не найдя информации, Михалыч однажды, протирая пол в комнате, увидел внизу картины мелкую надпись, он надел очки и прочёл: «Степь. Заповедник...»

Название заповедника было стёрто.

Но с того дня Михалыча не отпускала мысль – где находится этот заповедник?

В итоге, он оказался в библиотеке, которая располагалась в доме напротив.

Интеллигентная, пожилая библиотекарша, взяв паспорт, записала его в библиотеку и спросила:

– Что вас интересует?

А Михалыч в свои шестьдесят пять лет был последний раз в библиотеке, дай Бог памяти... наверное, лет пятьдесят назад. Страшно сказать – полвека назад!

«А когда? – оправдывал сам себя Михалыч. – Работа, семья, друзья... опять же в домино надо сыграть во дворе».

– Мне бы что-нибудь про степь, – неуверенно произнёс он.

– Могу предложить «Степь» Антона Павловича Чехова, – вежливо сказала библиотекарша.

– Чехов? – повторил Михалыч. – Да нет, давайте, пожалуйста, по географии что-нибудь.

– Есть школьные учебники по географии для всех классов, там и про степи есть. Хотя, подождите минутку, – она взяла с полки большую красивую книгу, – вот новый атлас нашей страны, и в нём, в отличие от многих, не только карты, но и описания различных природных зон. Хотите посмотреть? – и она протянула Михалычу книгу.

А он забыл, когда держал в руках книгу, задумался:

«Наверное... наверное, когда внучке про Айболита и Дюймовочку читал».

– Что с Вами, Матвей Михайлович? – в голосе библиотекарши слышалась тревога.

– Извините, как вас по имени-отчеству?

– Лариса Михайловна, – она улыбнулась, – тоже Михайловна. Давайте я вам открою главу, где рассказывается про степи.

Взяв книгу, Лариса Михайловна полистала её:

– А знаете, Матвей Михайлович, в этой замечательной книге есть раздел о заповедниках.

– О заповедниках? – взволнованно переспросил Михалыч.

– Да, о заповедниках нашей страны, может быть не всех, но у нас есть и другие книги.

Или вас интересуют другие страны?

– Спасибо, другие страны не интересуют.

– Вот, посмотрите, пожалуйста, – Лариса Михайловна дала Михалычу книгу, открытую на странице, где была... была та самая фотография, что висела на стене у него дома.

Из библиотеки он вышел счастливый.

Как-то осенью, во дворе дома Михалыч встретил своего старого приятеля Николая, живущего в соседнем подъезде.

– Привет, Михалыч! Что-то давно тебя не видно. Не болеешь?

– Да нет, спасибо, здоров, кажется.

– Приходи завтра, в домино сыграем, как раньше. Наши спрашивают о тебе.

– Скажи, Коля, со мной всё в порядке.

Теперь, в свободное время, Михалыч изучал степные заповедники.

Их оказалось много, а тот, где была сделана фотография, поразившая Михалыча, располагался сравнительно недалеко: три часа на электричке до Москвы, а далее автобусом двадцать семь часов... Много, больше суток, но автобусы ходили часто, да и цена на билет была вполне доступная.

Потом час-полтора местным автобусом и ты в заповедной степи.

Однажды ночью Михалычу не спалось, он встал, подошёл к окну.

Шёл снег, ровный, тихий, на улице сугробы, деревья и машины в снегу, а небо облачное, ни одной звезды, но от снега белым-бело, чисто и светло.

Михалыч пошёл на кухню, согрел чай.

И так тоскливо и тошно было у него на душе:

«Даже поговорить не с кем. Тони нет, а сынок... сынок на днях придёт и опять деньги будет просить, опять пьяный. Эх, что за жизнь! Верно жена говорила, что мы сами виноваты, что единственный наш ребёнок дошёл до жизни такой – семью бросил, дочку не видит, не работает, женщину нормальную найти не может, все такие же, как и он, я и имена их не помню. Кстати...»

Михалыч встал и пошёл в большую комнату, где в шкафу лежала записная книжка с телефонами и адресами, включил свет, стал листать:

«Где он сейчас? Вот, нашёл и адрес, и телефон, а звать её... ну да ладно. Может позвать их, уговорить жить всем вместе? Потерплю... И Алексей на моих глазах будет».

Михалыч лёг на диван, закрыл глаза и представилась ему летняя ночь в степи – небо ясное, и звёздочки яркие, близкие, так и хочется коснуться... земля за день согрелась, тёплая, он лежит на спине, закинув руки за голову, и смотрит в бездну, а вокруг немислимый простор, безмолвие и ни души... и будто он тот, самый первый человек, а до него ничего не было... и вплетались, и вспоминались, и приходили откуда-то слова: *«В начале сотворил Бог небо и землю.*

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И был вечер, и было утро: день один...»¹

После этой ночи Михалыч понял, что поедет в заповедник и поедет весной, чтобы тюльпаны цвели. Вот зима пройдёт, и поедет.

Он стал копить деньги на поездку.

Хотя Михалыч и пенсию получал, и работал, и, казалось бы, всё было нормально у него в материальном плане, но был Алексей, который просил и просил, а отказать родному сыну Михалыч не мог. Может быть, зря.

Поэтому жил он экономно и скромно.

Он рассчитал так: полтора дня дорога туда, полтора обратно, в заповеднике дня два-три, вот и получается, что потребуется приблизительно пять-шесть дней.

Перед поездкой Михалыч навестил жену.

За оградкой, которую он в прошлом году отчистил от облупившейся краски и покрасил новой серебристой, зеленела молодая травка, на кусте шиповника розовели бутоны, готовые вот-вот раскрыться, и смотрела Тоня с фотографии на памятнике.

Михалыч зажёл свечу, поставил её в цветочницу среди анютиных глазок, многие из которых уже цвели, сел на узкую скамеечку.

Так он уговаривал сына, мол, поедем, навестим мать, так уговаривал... Нет, куда там, у него свои дела и подруги.

Михалыч смотрел на фотографию жены и понимал, что она всё знает и о его намечающейся поездке, и о сыне.

Он протёр памятник чистой тряпочкой, смахнул рукой набежавшие слёзы, а свечу оставил, пусть догорит.

На следующий день сломался холодильник, он был старый, рычал, когда работал, но Михалыч привык к его ворчанию.

А ему ехать через день, и билет куплен туда и обратно.

Опять же деньги. Вот скопил он на поездку, а на холодильник придётся брать из НЗ.

Весь день прошёл в суете и заботах – ездили с сыном в магазин, купили новый холодильник, загрузили продуктами, а вечером надо было собираться. Сын ушёл.

¹ Кн. Бытие, гл.1

Михалыч достал рюкзак, положил в него плащ и резиновые сапоги на случай дождя, положил смену белья, тёплые носки и свитер – весной ночи в степи холодные, приготовил паспорт и билет.

Спать лёг поздно, завёл будильник, но знал, что не уснёт.

Он лежал и думал, что жил с Тоней тридцать пять лет, и никогда за все годы они никуда не ездили, разве что в дом отдыха от завода по льготной путёвке то ли два, то ли три раза.

Михалыч встал рано, оделся, выпил чаю. Собранный рюкзак лежал у двери.

Он чувствовал себя неважно, какая-то чугунная усталость навалилась на него, видимо, сказывалась суматоха последних дней и переживания – всё-таки никогда он не уезжал из дома так далеко.

Перед дорогой Михалыч присел на табуретку, стоящую у двери, и вдруг где-то в груди резанула такая острая боль, как кинжалом по сердцу.

Он с трудом привстал, чтобы взять таблетку из кармана брюк, закружилась голова, прислонился к двери...

На следующий день Алексей приехал домой, отпер дверь ключом, но открыть её не мог, будто с другой стороны к ней прислонили что-то.

Он напрягся, приоткрыл дверь, прошёл и увидел отца, лежащего на полу.

Алексей всё понял. Передвинул тело отца к стене, позвонил на скорую, потом достал из куртки отца паспорт.

Из паспорта выпал билет до города с красивым названием Элиста.

Братья

«Как некстати, ах как некстати, – подумал Аркадий, но тут же спохватился. – Нет, что это я говорю, Тимофей мой родной брат, столько лет не виделись!»

Аркадий торопился в магазин купить к столу кое-какие продукты.

Буквально час назад позвонил его брат Тимофей, который свалился как снег на голову, сказал, что проездом, хочет навестить, взглянуть, поговорить.

Они не виделись почти одиннадцать лет.

«Сказал придёт к трём часам. Останется ночевать? Или посидит и уйдёт? Уйдёт? Может... Может, я тогда успею к Зое? Обещал же сегодня к семи вечера», – Аркадий представил себе Зою, её рыжие глаза, рыжие конопушки, рыжие непослушные волосы, представил себе её милую улыбку и ямочку на правой щеке, почему-то только на правой.

«Зоя, Зая... Зая моя», – шептал он, воображая, как придёт и обнимет её, такую тёплую и золотую, словно солнечный зайчик, который хочется схватить в ладони и не выпускать.

Он споткнулся и чуть не упал – вчера потеплело, снег подтаял, а сегодня подморозило, и лужицы на асфальте покрылись звонкой корочкой льда.

В магазине располагалось небольшое кафе.

У окна под раскидистой пальмой стояло несколько столиков, за одним из них сидела женщина и мальчик, годика три-четыре, аппетитно пахло свежей выпечкой и кофе.

Аркадий взглянул на часы:

«Время есть, выпью кофе и пойду домой».

Он сел за столик напротив мальчика с мамой, отпил глоток кофе:

«Кофе был горячий, крепкий и сладкий», – вспомнил Аркадий известную фразу, но не закончил её, а засмотрелся на малыша, который воевал с котлетой, лежащей на тарелке.

Пышная, белая котлета была покрыта румяной корочкой, и от неё исходил аппетитнейший запах.

«Из куриного мяса, – отметил Аркадий и сглотнул слюну, так захотелось ему попробовать эту котлету. – Кажется, здесь есть отдел кулинарии, надо и мне купить к столу таких котлет, а дома только разогрею».

Между тем малыш склонился над котлетой, проткнул её вилкой, и из неё фонтанчиком брызнуло растопленное масло, положенное внутрь, брызнуло и угодило прямо ему в щёку.

Мальчик испугался и захныкал, женщина открыла сумочку, вытащила салфетку и стала вытирать масло с личика малыша, приговаривая ласковые слова утешения.

Аркадий допил кофе и направился в отдел кулинарии.

Высокая, статная продавщица вынесла поднос с большими пухлыми котлетами, прилепила к краю ценник с надписью «котлеты по-киевски» и выложила его на прилавок.

«Как хорошо делает эти котлеты Зоя! То ли чесноку много кладёт, то ли зелени, а может быть, сыра, но обязательно внутрь прячет кусочек масла, и так вкусно получается – пальчики оближешь», – подумал Аркадий.

Купив приглянувшиеся котлеты, он заторопился домой.

Он был разведён, жил один, его десятилетняя дочка осталась с мамой.

Старший брат его Тимофей в девяностые годы устроился работать в совместную российско-немецкую фирму и стал ездить в Германию, вначале в короткие командировки, потом стал задерживаться надолго и, наконец, объявил, что уезжает насовсем.

Тимофей был старше Аркадия на восемь лет, в год эмиграции ему было тридцать, и женат он ещё не был.

«Значит, сейчас ему сорок один, – подумал Аркадий, ставя на стол две рюмки и бутылку водки, – одиннадцать лет прошло, женился, конечно, дети есть».

Он поставил закуски, хлеб, минеральную воду.

«Пьёт ли он водку? Ничего, у меня в баре есть бутылочка хорошего коньяка, – вспомнил он и тут же спохватился. – Ремонт. Ах, как не вовремя этот приезд! Или не вовремя ремонт».

В квартире Аркадия неделю назад начался ремонт, и две комнаты выглядели как поле битвы после налёта вражеских войск – мебель вынесена и столпилась в холле и коридоре, обои со стен ободраны, пол застелен бумагой, у дверей сложены малярные инструменты, кисти, ведёрки с краской, шпаклёвкой, клеем.

«Где мне искать коньяк? Куда же я убрал его? – Аркадий вздохнул. – Ладно, водка есть».

Единственной комнатой, где было ещё более-менее уютно, осталась кухня.

Аркадий расставил посуду, заглянул в холодильник, на тарелке лежали пять котлет, которые предстояло лишь подогреть в микроволновке.

Он посмотрел на часы, до обещанного визита брата осталось полчаса:

«Какой он стал? О чём говорить? Столько лет не виделись, отвыкли. А Зоя будет ждать. Позвонить ей и сказать, что не приду? Надолго ли приехал Тимофей?»

Аркадий сел за стол и задумался.

Одиннадцать лет... Как получилось, что родные братья не виделись столь долго?

Когда Тимофей уехал, Аркадию было двадцать два, он год как окончил институт, начал работать, встретил свою будущую жену, готовились к свадьбе.

За всё время разлуки братья лишь несколько раз перезванивались, и это были какие-то бессодержательные, отрывистые, короткие разговоры, последний раз год назад. Тимофей позвонил и долго расспрашивал, где работает Аркадий, как давно и какой адрес места работы.

«Наверное, для анкеты», – подумал тогда Аркадий.

В памяти Аркадия всплыло, как родители отправили его первый раз в пионерский лагерь, ему семь лет, и как он скучал о маме и плакал по ночам, а воспитательница, добрая пожилая женщина, приводила Тимофея, который был в старшем отряде, и тот успокаивал Аркадия и поил тёплым молоком, его давала воспитательница. Брат сидел на кровати, гладил его по голове и ласково шептал что-то нежное.

Потом Аркадий вспомнил, как Тимофей катал его на багажнике большого дорожного велосипеда, и они заходили в магазин, держа в руке по десять копеек, которые мама дала, и покупали те самые дешёвые шоколадные конфеты, как же они назывались...

Аркадий встал, подошёл к старинному зеркалу в коридоре, которое раньше вместе с тумбочкой, давно сломанной и выброшенной на помойку, было трюмо в родительской квартире, и это трюмо так любила мама и всегда прихорашивалась перед ним.

Он постоял, всматриваясь в зеркало, как будто хотел увидеть что-то зыбкое, далёкое и родное, но на него смотрел среднего роста коренастый мужчина в очках и с аккуратно подстриженными усиками.

Звонок раздался неожиданно, он открыл дверь, на пороге стоял Тимофей.

– Входи, рад, рад тебе, – Аркадий неловко обнял брата, – ну раздевайся.

– Я проездом, не мог не зайти. Столько лет! – Тимофей отстранился. – Ты не очень изменился, я смотрю, возмужал только. А я, брат, растолстел.

Аркадий оглядел брата. Перед ним был высокий, лысый и полный мужчина с маленькими, живыми и внимательными глазами, одетый в помятые джинсы и фланелевую рубашку в клетку.

– Я с поезда, не переодевался, – словно извиняясь, сказал Тимофей и огляделся. – А ты, я вижу, ремонт затеял.

– Да, знал бы, что ты приедешь, приготовился, а сейчас вот такой погром у меня. Проходи в ванную, умойся, и пойдём к столу, у меня всё готово. Осторожно, здесь банка с краской.

Братья сели за стол.

– Ну что, за встречу! – Аркадий поднял рюмку с водкой.

– За встречу, брат!

Зазвонил мобильник.

– Аркадий Ильич, – прораба Семёна было почти не слышно, – Аркадий Ильич, вы слышите? Мы электропроводку будем менять, так?

– Так, Семён.

– Ну вот, докладываю вам, что цены в магазине на провода, выключатели, переключатели, дифавтоматы, розетки, на всё выросли, вы в курсе?

– В курсе.

– Так что, мне покупать? Я чеки принесу.

– Покупай, Семён, – Аркадий выключил телефон, подвинул тарелку. – Угощайся, Тимофей. Это у нас называется «селёдка под шубой», вы там за границей этот деликатес и не знаете, наверное.

– Русские и у нас тоже делают такую селёдочку, – Тимофей положил себе на тарелку большой кусок угощения, попробовал, – вкусно.

– Давай ещё по одной, – не дожидаясь ответа, Аркадий налил в рюмки водку. – И снова за нас!

Не успел он договорить, как опять зазвонил мобильник.

– Аркадий Ильич, мы вчера договорились ставить дифавтоматы вместо УЗО и автоматов, так?

– Так, Семён.

– Это для уточнения, извините. А распределительный щит я уже купил.

– Хорошо.

– Слушай, замучил тебя этот прораб, – Тимофей засмеялся, – думаю, ещё позвонит.

Аркадий встал из-за стола, немного смущённо сказал:

– Ремонт – это стихийное бедствие. Я сейчас котлеты в микроволновке подогрею.

Через пять минут румяные, пышные, аппетитные котлеты лежали на тарелках.

Аркадий отломил вилкой кусочек котлеты, и тут с его мобильного раздался сигнал о пришедшей смс-ке, писала Зоя:

«Котик, купи по дороге две бутылки «Нарзана», ключ у тебя есть, я задержусь минут на пятнадцать в салоне красоты – готовлю тебе сюрприз. Ты с ума сойдешь! Твоя».

– Извини, Тимофей, это по поводу ремонта. Угощайся, котлеты вкусные, называются котлеты по-киевски.

– Аркадий Ильич, слоновой... – голос в телефоне неожиданно прервался.

– Что за слоновый, – вслух сказал Аркадий.

– Какие слоны? – переспросил Тимофей.

– Аллю, аллю, Аркадий Ильич, это всё я, Семён. Слоновой кости или белого цвета будут розетки и выключатели?

– Фу ты... подожди, Семён, не так быстро, – и, помедлив немного, Аркадий ответил, – белые.

– Знаешь, давай есть твои котлеты по-киевски, а то совсем остынут, – с этими словами Тимофей воткнул вилку в котлету, и янтарная струя растопленного масла брызнула, залив рубашку большим жирным пятном.

– Извини, не предупредил, что внутри котлеты кусочек масла, он растаял и вот... подожди, сейчас отмоем, – Аркадий вскочил, побежал в ванную, вернулся, держа в руке флакон с яркой этикеткой.

– Знаешь, ты лучше сними рубашку, у меня очиститель сильный, как бы не обжёт. Я тебе найду что-нибудь переодеться.

Тимофей снял рубашку, отдал её Аркадию и стоял посреди кухни, растерянный, раскрасневшийся, раздетый до пояса.

Аркадий полил прозрачной жидкостью из флакона масляное пятно:

– Пусть полежит. Так... где все мои рубашки? С этим ремонтом ничего не найдёшь.

Он прошёл в холл, куда были выставлены шкафы из комнат, открыл одну дверцу, другую, выдвинул один, другой ящик, посмотрел на дверцу, прижатую книжным шкафом, задумался и вернулся на кухню.

– Извини, Тимофей, помоги книжный шкаф отодвинуть, он мешает достать рубашку.

Мужчины подошли к шкафу, заполненному книгами, и оба подумали одинаково – «двигать с книгами тяжело».

Они молча переглянулись и стали убирать книги из шкафа на пол, Аркадий быстро, торопливо, Тимофей не спеша, с интересом разглядывая обложки.

И снова затрещала смс-ка от Зои:

«Котик, забыла сказать, купи для Ларика в зоомагазине собачье угощение – косточку или хрящики какие-нибудь. Магазин, ты знаешь, находится в соседнем подъезде. А то я Ларику сказала, что вечером ты придёшь, вот он и улёгся у двери, ждёт. Твоя».

– Что-то давно Семён не звонил, – улыбнулся Тимофей.

И как в воду глядел:

– Аркадий Ильич, мне перфоратор для штробления стен нужно купить, можно? Я все чеки вам принесу, как положено.

– Можно, конечно, можно. Только хороший купи, Семён, не китайский, договорились?

Наконец, книги выложили, шкаф подвинули, и две полки с рубашками, джемперами стали доступны.

Аркадий взял одну из рубашек, развернул, прикинул её на Тимофея – мала, брат был выше на полголовы и полнее.

Он долго рылся на полках, перекладывал и перебирал свои вещи, в итоге вытащил какой-то старый, поношенный свитер, но зато большой, который только и подошёл Тимофею.

И тут Аркадий вспомнил о рубашке Тимофея, которую залил очистителем, он бросился в ванную и с ужасом увидел, что на месте жирного масляного пятна красовалась маленькая дырка, которая при натяжении ткани бесовестно расплзалась, становясь всё больше.

Он взял флакон с красивой этикеткой и прочёл:

«Хлорсодержащий отбеливатель. Применять осторожно, выдерживать время воздействия препарата!»

«Откуда у меня этот отбеливатель? – подумал Аркадий и вспомнил, что принесла его Зоя, когда недавно стирала постельное бельё. – Ну спасибо тебе, Зая моя!»

Он вздохнул и украдкой посмотрел на часы – а вдруг успеет всё-таки к своему рыжему, солнечному чуду?

Уставшие братья сидели за столом, обменивались тусклыми прерывистыми фразами и доедали котлеты, которые, словно в утешение, оказались на самом деле вкусными.

– Мне пора, – Тимофей встал из-за стола.

– Как пора? Так быстро?

– Что поделаешь, дела.

«А я так и не поговорил как следует, но теперь уж поздно, надо торопиться», – подумал Аркадий.

В коридоре Тимофей задержался у старинного зеркала от трюмо, рассеянно глядя в одному ему ведомую или неведомую даль:

«Мамино трюмо, она любила прихорашиваться перед ним. Не буду говорить об этом...»

Аркадий, заметив далёкий взгляд брата, подумал:

«Вспомнил ли он мамино трюмо? Не буду говорить об этом...»

Они вышли во двор, встали у подъезда, такси до вокзала ещё не приехало.

Аркадий вновь вспомнил, как Тимофей катал его на багажнике дорожного велосипеда, как они заходили в магазин и покупали на двадцать копеек самые дешёвые шоколадные конфеты.

– Ты помнишь, как катал меня на велосипеде, я сидел на багажнике и мы заходили...

– Заходили в магазин и на двадцать копеек покупали конфеты, они были без фантиков, в развес, и на эти деньги их было девять штук. Мы брали по четыре, а последнюю делили пополам.

– Как же они назывались?

– Сейчас... таёжные или южные... Нет, не могу вспомнить.

Приехало такси, братья обнялись, попрощались, Тимофей сел на заднее сиденье, машина медленно поехала.

– Вспомнил, вспомнил! – Аркадий побежал за машиной, почти догнал её, шофёр притормозил.

Тимофей открыл дверь и услышал:

– Кавказские, они назывались кавказские!

Счастливая улыбка озарила лица братьев.

Может быть, потеплеет?

На днях иду к метро, и на меня, чуть не сбив с ног, налетает мужчина:

– Помогите, Христа ради, подайте на хлеб!

Смотрю на него снизу вверх, потому что он огромный, под два метра ростом, в замешательстве думаю: «Почему на хлеб?»

А сама, отстранившись по возможности, тихонько пытаюсь разглядеть – настойчивые, даже наглые глаза, чёрная шапка, натянутая на лоб, небритый, одет во что-то тёмное, неряшливое, но не пьяный, нет... вдруг он хватает меня за руку и говорит:

– С праздничком!

С трудом выдергиваю руку, быстро отхожу, оглядываюсь.

«Нищий» смотрит мне вслед, крепкий, крупный мужчина, на вид лет сорок, что заставило его просить «на хлеб»?

Боже мой, на хлеб!... такой здоровый и молодой... нет, я понимаю, всё бывает, и всё-таки...

Иду, задумалась и вдруг вижу: на самом краю тротуара, рядом с шумной дорогой сидит на небольшой, низенькой тележке человек без ног... совсем маленький... приближаюсь... оказывается, это парень лет двадцати пяти, но такой худенький и бледный, будто весь прозрачный, в чём-то неопределенно сером, впалые щёки, колючие глаза, а волосы... Боже мой, да он седой весь... такой молодой, седой старичок, похожий на взъерошенную, крохотную птичку... наверное, на воробья, а может, на колибри... взгляд отрешённый... ничего не просит, ни слова... мимо несутся машины, автобусы, такси, пассажиры, прохожие... он не поднимает головы, видит только идущие ноги... ноги в ботинках, в сапогах, на каблуках, ноги в брюках, в юбках... ноги бегут и спешат...

Я останавливаюсь, открываю сумку, достаю купюру и кладу её в полиэтиленовый пакет, лежащий около парня... он не благодарит, ожесточённо стоит на ногах... которых нет ниже колена... захожу немного сбоку чтобы закрыть сумку и вижу, что ноги нищего просто согнуты... просто согнуты в коленях... они поразительно маленькие и худые... их можно увидеть только со стороны... обманывал...

Навстречу мне идут два парня, они смотрят на меня и смеются... почему?... оглядываюсь... один из них глядит мне вслед и крутит пальцем у виска, мол, глупая, не поняла что ли сразу... не поняла... сразу не поняла... ну и что... а попробуй-ка вот так на коленях... несколько часов... где-то была такая пытка, забыла только где... и курточка у него тоненькая-тоненькая, ветер раздувает и треплет её как парус... почему он здесь, с протянутой рукой... такой неприкаянный... на краю дороги, как на краю пропасти...

С неба посыпалась снежная крошка вперемешку с дождём.

Снег тает в воздухе, не долетая до земли, крохотные дождевики испаряются, оставляя асфальт почти сухим, но ветер, порывистый ветер. Я останавливаюсь, поднимаю воротник пальто, поправляю шарф.

– Распогодится, потеплеет скоро, – на ходу говорит мне незнакомый мужчина и улыбается.

Известие

Анна Васильевна не спала всю ночь.

Она всё думала о Николае, Коленьке, единственном сыне, который звонил недавно и обещал приехать завтра утром.

И хотя в доме у неё всегда были чистота и порядок «просто на загляденье», как говорили подруги-соседки, всё равно, Анна Васильевна и окна помыла, и занавески постирала, и цветы на подоконниках привела в порядок, а на чистый пол положила выстиранные половички, мягкие, пёстренькие, создающие милый, деревенский уют.

В общем, навела красоту.

Осталось поставить на веранде вазу с букетом осенних цветов, которые любил сын.

А больше всего, как память детства, как напоминание об осени и школе, Коля любил цветы, которые в народе назывались Золотые шары, они живописным, золотым салютом приветствовали каждого у калитки, свешиваясь охапками через забор, и, поселившись у крыльца, заглядывали в окна, простодушные и родные.

Анна Васильевна воспитывала сына одна. Отец Коли бросил её, уехав в город к другой женщине, когда сыну не было и года. Алиментов не посылал, не навещал, а она не роптала, смирившись с судьбой матери-одиночки, и замуж больше так и не вышла.

Жила ради сына, которого любила больше жизни, отдавая ему всю свою нежность и любовь.

Учился Коля хорошо, был одним из лучших учеников, после школы поступил в училище гражданской авиации и стал лётчиком.

Женился, имел двух сыновей.

Анна Васильевна могла гордиться сыном.

Ночью прошёл дождь, осенний, долгий, он шуршал по крыше и шептал что-то тихое и грустное.

Анна Васильевна утром спустилась с крыльца и медленно пошла по узкой, в трещинах, асфальтированной дорожке к калитке, вспоминая, как прокладывали с Колей эту дорожку-тропинку – по дороге проехала машина с дымящимся асфальтом, случайно обронившая небольшую горку его около забора.

Анна Васильевна быстро сообразила и позвала сына: Коля носил, набирая по полведра, тяжёлый, горячий асфальт, а она валиком от старого дивана раскатывала дорожку. Делать всё нужно было быстро, пока асфальт не застыл, они торопились, и дорожка в нескольких местах искривилась, образуя зигзаг. Так и осталось.

Зато каждый раз, идя по ней, Анна Васильевна вспоминала тот солнечный, летний день и запомнившийся запах жаркого битума.

Она подошла к калитке, сорвала несколько пышных кистей Золотых шаров, покрытых капельками ночного дождя, и тут увидела в почтовом ящике конверт.

Достала его, открыла.

В конверт были вложены две фотографии: на одной из них Коля стоял около красивого, белого самолёта, а на другой, поднимаясь по трапу, он остановился и оглянулся, улыбаясь ненаглядной, любимой улыбкой.

Письмо было послано Колей задолго до звонка по телефону, когда он сообщил, что приедет.

Анна Васильевна посмотрела на дату отправления и на дату получения письма на местной почте, удивилась, почему письмо шло так долго, и почему вообще сын отправил его, зная, что скоро приедет.

Она вздохнула, стряхнула капли дождя с цветов, понесла их на веранду, поставила в вазу на столе, а рядом разместила две новые фотографии.

Села на стул и долго любовалась сыном, потом очнулась и пошла в погреб – достать капусту для пирога, картошку и трёхлитровую банку с ассорти – засолёнными маленькими огурчиками, помидорами, дольками кабачка и чеснока.

Банку с соленьями поставила в холодильник, куда поместила и бутылку с наливкой из черноплодной рябины необыкновенно красивого вишнёво-малинового цвета:

«Пусть будет похолоднее. Удалась наливка в этом году!» – подумала она.

Затем она занялась приготовлением жаркого из картошки с белыми грибами и луком.

Колосовики, первые белые грибы, Анна Васильевна собирала в июне с Колей, когда он приезжал на два дня.

Они шли по тропинке через поле, заросшее клевером и ромашками, высоко в небе проносились ласточки, жужжали шмели над цветами, и летали стрекозы с выпученными глазами и прозрачными, изящными крыльями.

На опушке леса набрали корзину белых грибов и лисичек, и два дня Коля лакомился грибным супом и молодой картошкой с грибами.

Остальные грибы Анна Васильевна заморозила, и вот сейчас они пригодились.

Она возилась долго, радостно, с настроением, и к обеду на столе красовался любимый Колин пирог с капустой и жаркое с грибами.

«Завтра утром только подогрею», – подумала Анна Васильевна.

Она прилегла отдохнуть, а проснувшись в пять вечера, пошла в сад собрать яблоки, решила испечь шарлотку к чаю.

«Да и так, просто похрустеть яблочком – как хорошо! Коленька любит», – улыбалась Анна Васильевна.

Она срывала спелые, краснощёкие яблоки, складывала их в небольшую корзину, как вдруг услышала скрип открывающейся калитки, в которую вошли Вера и Света – подруги, живущие рядом.

– Я скоро! – крикнула она.

Соседки подошли к дому и сели на ступеньки крыльца, глядя на Анну Васильевну как-то странно пристально.

«Надо бы угостить их пирогом, пока не остыл», – подумала она.

И в эту минуту в калитку, оказавшейся открытой, вошла Тоня, почтальонша, с рабочей сумкой, перекинутой через плечо.

Увидев Тоню, Вера и Света встали и направились к яблоне, около которой стояла Анна Васильевна, держа в руках корзину.

Почтальонша, постояв немного на асфальтированной дорожке, делающей необычный зигзаг, также пошла к Анне Васильевне, которая вдруг стала центром... центром пересечения дорог, путей и лётных маршрутов, центром пересечения надежд и страданий, возможного и невозможного.

Яблоки высыпались и покатались по пожелтевшей траве, по опавшим листьям, по судьбе, покатались как слёзы, пролитые слёзы из будущего.

Она ничего не слышала, но по губам поняла:

– Разбился.

А больше она не помнила ничего...

Торжок

Не думала, что в этом году в середине июля я окажусь в Торжке, и не на один день, как решили вначале, не думала, что даже задержавшись на три дня, мне не захочется расставаться с этим небольшим, древним городом, покоровшим моё сердце.

Мы гостили у родственников в Твери и неожиданно заговорили о Торжке, где ни я, ни мой муж не были. В результате утром следующего дня мы ехали по федеральной автомобильной дороге М-10 «Россия» – Москва – Тверь – Великий Новгород – Санкт-Петербург.

Приблизительно через час, преодолев без пробок около шестидесяти километров, мы свернули с Ленинградского шоссе и минут через десять были уже в центре Торжка.

Устроиться в гостинице не составляло труда и, прихватив фотоаппарат, мы отправились знакомиться с городом.

Торжок был основан новгородскими купцами на рубеже IX–X веков, первое упоминание о городе в летописных источниках относится к 1139-му году.

Торжок возник и развивался как торговое поселение, сменив за историю несколько названий: Торг, Новый Торг и Торжец.

Город расположен на отрогах Валдайской возвышенности, на реке Тверце, довольно широкой здесь, почти такой же, как в её устье, в Твери, где она впадает в Волгу.

В центре Торжка, на небольшом расстоянии друг от друга расположены два моста – один автомобильный, где есть и пешеходные дорожки, другой пешеходный.

Между мостами, с одной стороны Тверца закована в гранитную набережную, вдоль неё стоят красивые фонари и старинные, двухэтажные, реставрированные особняки – это Тверецкая набережная.

С противоположной стороны находится Новгородская набережная, здесь располагается здание администрации города, рядом с которым можно увидеть, как в старые добрые времена, Доску почёта с фотографиями врачей, учителей, военных, рабочих.

На остальном протяжении река свободно плещется о берег, заросший камышом, осокой и мягкой травкой, местами разбросаны крупные и мелкие валуны, они неожиданно выглядывают и возвышаются над тёмно-синей поверхностью воды, по которой плавают жёлтые кувшинки и серенькие, незаметные утки.

С мостов открывается незабываемая панорама города – на вершинах утопающих в зелени холмов расположены многочисленные храмы и монастыри, они отодвинуты от набережной Тверцы вверх и в глубину на один-два квартала, и пространство речной долины как бы раздвигается, становится обширным и просторным, а сама река кажется шире.

Холмистая, возвышенная местность Торжка становится ещё краше от величия Божьих храмов.

Мы идём к мужскому Борисоглебскому монастырю по извилистым улочкам на правом берегу Тверцы.

Они застроены скромными деревянными домами с палисадниками, где цветёт календула, мальва, ромашки и васильки. Иногда дома совсем старые и кажется, что не живёт никто, а подойдёшь ближе, и слышатся голоса, смех и музыка. Иногда дома поновее и покрыты сайдингом. Заборы закрывают усыпанные румяными плодами, свисающие ветви яблонь, сливы, боярышника и рябины.

Грунтовая дорога посреди улочек поднимается вверх к вершине холма, который венчается величественными храмами.

Борисоглебский монастырь – один из древнейших Российских православных монастырей.

Основан он преподобным Ефремом около 1038-го года, в княжение великого князя Киевского Ярослава Первого Владимировича, почти в одно время с Киево-Печерской лаврой, принадлежит к числу древнейших обителей и считается третьим монастырём со времени их появления в России.

Монастырь обнесён мощными каменными стенами с круглыми башнями по углам.

Во дворе, слева от входа в монастырь растёт высокая столетняя липа, она почти отцвела, но в воздухе всё ещё стоит её тонкий, сладковатый запах.

Собор во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба закрыт на реставрацию, и службы проходят в церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы.

К древним стенам монастыря хотелось прикоснуться и молча постоять рядом.

В Торжке находятся:

- действующие: 1 монастырь и 4 церкви
- закрытые: 1 монастырь, 1 собор и 15 церквей
- снесённые: 9 церквей

Центр города застроен старинными, кирпичными, двухэтажными домами, многие из них реставрированы и покрашены в нарядные бело-жёлтые цвета, дороги и тротуары асфальтированы или выложены плиткой.

Удивило обилие высоких, вековых, с неохватными стволами деревьев: липы, дубы, берёзы, осины.

Одна осина, растущая во дворе особняка около моста, была высотой где-то до седьмого этажа современного дома, никогда таких больших осин не видела. Перед глазами – её могучий, зеленовато-серебристый ствол, ветви и трепетная листва.

Улицы и улочки сбегают, как ручьи, с холмов города и сливаются, образуя просторные площади, на некоторых из них стоят памятники: великому Пушкину, знаменитому архитектору и поэту Львову, революционерам Кирову и Ленину, такое вот сочетание.

Музей А.С. Пушкина в центре города, на берегу Тверцы... одноэтажное, деревянное, серого цвета здание с большими окнами, украшенными белой, ажурной резьбой – это дворянская усадьба Олениных, друзей Пушкина.

Здесь, на бывшей Ямской улице, семья Олениных проживала до самой революции.

Пушкин во время поездок из Петербурга в Москву и обратно останавливался в Торжке более 25-ти раз.

В музее можно увидеть мемориальные вещи из дома Львовых-Олениных-Балавенских, живопись, графику, книги, изданные при жизни Пушкина, картины, мебель тех времён.

На старинном трюмо стоит небольшой портрет Анны Керн и копия листа из альбома со стихотворением «Я помню чудное мгновенье», написанным острым, летящим почерком Пушкина, а рядом, в маленькой вазочке три цветка анютиных глазок... Анна, Аня, Анютины глазки. Эти цветы ставят замечательные экскурсоводы музея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.